

РИМСКІЙ ФОРУМЪ.

=

Распаялись связи міра,
Въщій форумъ палъ во прахъ,
Тяжко возлегла порфира
На его святыхъ костяхъ.
Но истлѣлъ хитонъ почтенный —
И испуганнымъ очамъ
Вскрылись вѣча, тамъ и тамъ,
Порознь кинутые члены.

И стоятъ печально нынѣ
Кой-гдѣ сирые столбы:
По заброшенной пустынь
Псы гуляютъ да рабы.
Есть же форума обломки:
Такъ пріямлѣжь отъ отцевъ
Благороднѣйшую кровь
Угнетенные потомки.

С. Шевыревъ.

1830. Римъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ Э. П. ЩЕРВИКИНОЙ,

Въ день ея рожденія.

Какъ въ день рожденія (хоть это вамъ забавно)
Я васъ спышу поздравить, подарить!
Для сердца моего вы родились недавно,
Но вѣчно будете въ немъ жить.

Баронъ А. А. Дельсигъ.

ИЗЪ ПОЭМЫ-ОСНОВАНІЕ МОСКВЫ.

Выходило утро свѣтлое
Изъ пелень тумана синяго,
И, какъ дѣва прихотливая,
Красовалось нарядами,
Устилало всю вселенную
Пеленой оно лазуревой,
Убирало ту лазурь оно
Златомъ, яхонтомъ зари своей;

Блестки сыпало алмазныя

Въ бархатъ радужный луговъ цветныхъ.

Показалось солнце красное ,

И, взглянувшись въ тихоструйную

Нашу матушку Москву-рѣку ,

Разыгралось привѣтливо ,

Разсыпая лучи перловы.

Ты затмися скорѣй ,

Солнце красное !

Затуманься опять ,

Утро ясное !

Ахъ ! погасни и ты ,

Заря алая !

Какъ померкнуть красы

Ваши свѣтлыя ,

Предъ землею красой

Юной Ксеніи !

Вотъ — выходить она ,

Стройной лебедью ,

Сановита , статна ,

Вдоль по бережку .

Что свѣжѣе она

Утра юнаго !

Веселѣе она

Солнца краснаго .

И румяный , алый

Зари рдѣющей !

Что туманна , грустна

Лазурь свѣтлая ,

Предъ очами ея
Яснобыстрыми.
Расплетаетъ она
Косу дѣвичью;
Вкругъ младаго чела
Разсыпаяся,
Какъ осенняя ночь,
Кудри черныя
Бѣлоснѣжную грудь
Приголубили.

Но дѣва, что-то овладѣло
Твоей душой?
Ты вся какъ-будто обомлѣла?
Господь съ тобой!
Тебя русалка-ль чернымъ глазомъ
Сковала вдругъ?
Иль обошелъ недобрымъ часомъ
Недобрый духъ?
Вотъ, что-то за рѣкою
Тебя дивить!
Тамъ что-то чудною красою
Твой взоръ манить!

То не младъ орелъ, перелетный гость,
По поднебесью разстилается, —
То по бережку, по привольному,
Удалешенекъ добрый молодецъ
Потынается удалымъ конемъ.
Какъ черныи конь крыла ворона!

Какъ быстрѣ онъ ясна сокола!
А ужъ молодецъ! — богатырь краса!
На челъ его алымъ пламенемъ
Разыгралоя молодечество,
А въ очахъ — небо синее
Прояснилося чистой совѣстью;
И, какъ стрѣлы бысролетныя,
Взгляды свѣтлые, радушныя
Онъ разметывалъ за Москву-рѣку.

Не гляди ты, дѣвица,

Долго на него,

Не любуйся молодцомъ:

Не бывать добру.

Слышишь! въ перелѣсѣ томъ

Дятель, злой вѣщуиъ,

Точить, точить ивушку.

Видишь! стая вороновъ,

Съ криками кружась,

Вьеть тебѣ вѣнчалыиы

Въ воздухъ вѣики!

Слышишь-ли, гулливый вѣтръ

Простоналъ въ бору

Пѣснь свою печальную?

Видишь: — разыгралися

Черныя валы!

И покрылось солнышко

Тучи пеленой!

Но не видитъ дѣвица

Чернослизыхъ тучъ,

И не слышитъ красная
Бури страшный ревъ.

Ея красно солнышко,
Ея ясный день—

Одинъ добрый молодецъ.

Слышишь, добрый молодецъ!

Рогъ тебѣ звучитъ
Пѣснь свою призывную!

Но не слышитъ онъ.

Если бъ трубы ратныя
Загремѣли вдругъ,

И тогда бъ не слышалъ онъ
Звучныхъ ратныхъ трубъ.

А давно ли, молодецъ,

Въ полъ боевомъ,
Ты леталъ, покрытый весь
Кровію враговъ!

Отъ меча могучаго

Сокрушалось все,
Предъ тобой, отъ ужаса,
Цепеньла рать!

Отчего же молодецъ
Самъ недвиженъ сталъ

Передъ красной дѣвицей?

Княжна Екатерина Шаховская.

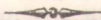
ПОДРАЖАНІЕ ПЕРСИДСКОМУ.

=

Не мечи изъ подъ рѣсницы
Стрѣль разящихъ на меня:
Подъ огнемъ твоей зѣнцы
Ужъ и такъ поверженъ я.
Ты красою всемогущей
Всѣхъ богаче въ сей странѣ —
Я — убогій, неимущій:
Дай же милостину мнѣ!

В. Бенедиктовъ.

С. П.

РОМАНСЪ ДАВИДА РИЦЦЮ.

(Изъ поэмы того же названія.)

=

Печальная пѣсня; ту пѣсню слезами
Въ бессонницѣ я написалъ;
И горе живое, живыми словами
Себѣ самому разсказалъ.

Я плакалъ безъ друга, пѣвецъ одинокой,
Безъ милой, я пѣлъ у окна
А тамъ—недоступная дѣва, высоко
Носилась златая луна...
Она освѣщала, блистала, сіяла...
Но хладенъ и страшенъ тотъ свѣтъ.
Молился пѣвецъ—а она посыкала
Въ награду могильный привѣтъ.

И. Кукольникъ.

С. П.

КЪ ВЕЗУКОРИЗНЕННОЙ.

Не жаль вамъ юношу пѣвца,
Уже извѣдавшаго горе,
Съ могильной блѣдностью лица,
Со всею вѣрою слѣпца,
Съ любовью робкою во взоръ?

Не жаль!—я знаю, вы, шути,
Его обречь готовы плахъ;
Вамъ любо: гордое дитя,
Съ небесъ лазоревыхъ слета,
Предъ вами ползаетъ во прахъ.

Не жаль! пускай его чело
Браздится ржавчиной болѣзни,
Вѣдь ваше имя перешло
Прозрачно, чисто, какъ стекло,
Въ его восторженные пѣсни.

Вы пицу бросили молвъ
И протрубить успѣли въ свѣтъ
О вашемъ новомъ торжествѣ,
О недоступномъ божествѣ
И падшемъ Ангелѣ поэтѣ.

Чего жъ еще? Игрѣ конецъ.
Сходя съ доски ненужной пышкой,
Чѣмъ награжденъ больной пѣвецъ
Любви высокой—образецъ?
Заочно брошенной насмѣшкой.

Вы правы!—какъ любить пѣвца?
Безвѣстный—пусть себѣ погибнетъ!
Взросшій въ терніяхъ вѣнца,
Слезахъ и мукахъ безъ конца,
Едва ли къ счастью привыкнетъ.

Вы правы!—Такъ, онъ не для васъ,
Онъ зломъ воздастъ вамъ за забаву,
И, разгадавъ короче васъ,
Стихомъ, рожденнымъ въ черный часъ,
Накинеть тѣнь на вашу славу.

Есть нѣкто витязь фанъ-деръ-пупъ.
Въ немъ нѣтъ особенной примѣты;
Онъ очень милъ, не много глупъ,
Имѣетъ пару алыхъ губъ,
Усы и носить эполеты.

Но ходить слухъ, что въ свѣтъ онъ
Играетъ роль Наполеона,
Что побѣждая дѣвъ и женъ
Уже на васъ накинулъ онъ —
Побѣдоносные знамена...

Что чуть вашъ мужъ заляжетъ спать
Въ широкій кузовъ экипажа,
Ужъ вы въ передней, чтобъ сказать:
«Сего дня къ намъ не принимать!»
И всюду выставлена стража.

Что въ эти мирные часы
Герой вашъ тянетъ дымъ изъ трубки,
А между тѣмъ его усы
Подобно капелькамъ росы
Щекочать розовыя губки...

Не вѣрю я. Злословить свѣтъ
Онъ ядъ разноситъ полной чашей...
И доказательствъ развѣ нѣтъ,
Что цѣломудренный поэтъ
Напуганъ нравственностью вашей?

П. Степановъ.

СМЕРТЬ И ПОГРЕБЕНЬЕ.

=

Годы храмину разбили
И развалины покрыли
Паутиною и плеснью.
Духъ въ тлѣнья и предѣла
Для чего не кинешь тѣла
Изнуреннаго болѣзною?
Уступи неравной силѣ —
И отдай сырой могилѣ,
Что ты вылепилъ изъ тверди.
И зачѣмъ тебѣ убранство?
Ужъ небесное пространство
Огласилось звономъ смерти...

Духъ нетлѣнный, безъ предѣла —
Для чего не кинешь тѣла?
Кончи съ нимъ свои расчеты;
Не спасуть его отъ тлѣнья:
Ни всеневныя моленья,
Ни всечасныя заботы.
Тѣло встрѣтить въ темной кельѣ
Не печали, не веселье,
Но конецъ своимъ недугамъ —
И сама земная злоба,
Отбѣжить отъ двери гроба
Пораженная испугомъ.

Чу! простились... Духъ и тѣло
Совершивъ земное дѣло,
Приподняли таинствъ пологъ....
Спи, оплаканный, отпѣтый!
Ктобъ ты ни былъ въ жизни этой,
Можетъ быть ты многимъ дорогъ;
Можетъ быть другіе братья
Шлютъ во слѣдъ тебѣ проклятья;
Можетъ грѣшенъ ты во многомъ;
Но за грѣхъ ты былъ наказанъ —
И теперь съ грѣхомъ развязанъ
И прощенъ людьми и Богомъ.

Есть какая-то отрада
При свершеніи обряда
Похоронъ и панихиды.
Отъ чего въ мгновенья эти
Мы смиряемся какъ дѣти,
Забываемъ всѣ обиды —
И когобъ ни хоронили,
Мы ль скорбѣ не говорили:
Нѣтъ кого-то между нами!
Мы ль на вѣчную разлуку,
Не протягивали руку
Не мирились съ врагами.

Н. Степановъ.

ГОРНЫЙ КЛЮЧЬ.

(О Ф Е Л И Н .)

=

Съ камня на камень висящій,
Съ брошенныхъ скалъ на утесъ,
Много кристалъ твой блестящій
Пыны жемчужной унесъ.

Былъ при денницъ румянъ ты,
Былъ при лунъ блѣдень ты,
Гордо носилъ брилліанты,
Скромно цвѣты и листы.

Много твой шумъ отдаленный
Чуждыхъ людей приманилъ,
Много про чудо вселенной
Странникъ въ дому говорилъ.

Тучи несутъ тебѣ воду,
Чуждые люди дары,
Сила даруетъ свободу,
Шелестъ, и прелесть игры.

Чадо тревожной неволи....

Что же мнѣ бросить въ потокъ?
Кубокъ ли звонкой, кольцо ли,
Розы ли юный пишокъ?

Розу увидшую, другъ мой,
Кинуль я съ желтымъ листкомъ,
Чувство и зрѣнье, и слухъ мой
Гибнуть съ послѣднимъ цвѣткомъ. —

А. Фетъ.

Москва.

ПРЕСТУПНИКЪ.

(Б Ы Л Ы .)

—

«Исусъ - Христосъ смирилъ себя!
Смири себя, мой милый братъ!
Отвѣй тоску налетную,
Гони змѣю — злодѣйку грусть!
Не слушайся ты нашенцовъ
Смутителей *невидимыхъ*:
Неслушайся лукаваго!
Лукавый врагъ намъ съть плететь,
Дышать *огнемъ*, смущаетъ умъ:
Пекельный огонь — есть *ярый гнѣвъ*:
Какъ съ привязи сорвавшись песь,
Онъ мечется на всякаго!...
Мой милый братъ! что голубъ чистъ,
Ты былъ донесъ въ семьѣ своей!

Ты ласковъ былъ, приветливъ былъ!
Родную мать душой любилъ
Младыхъ сестеръ; касатикъ нашъ!
Берегъ, стерегъ какъ старшій братъ.
Что жъ сдѣлалось съ тобою, другъ!
Глаза горять, уста дрожать
И точишь ты лихой булатъ!»

* * *

Но онъ точилъ свой ножъ широкій
Могучей жилистой рукой;
Давно угрюмый, одинокій
Онъ потерялъ души покой:
Его прекрасную сосѣдку
Ужъ снаряжаютъ подъ вѣнецъ,....
А онъ-ли былъ не молодецъ?
И вотъ спынитъ онъ на развѣдку.
За поясъ сунулъ длинный ножъ,
По жиламъ зазвонила дрожь,
Но затаилъ онъ страхъ и думы
И вышелъ изъ дому угрюмый.....

=

..... Дороженька широкая
Холстомъ лежитъ протянута
Въ Казань во градъ столбовая.
Курьеръ бѣжитъ, земля дрожитъ,
Посыльнаго три вихря мчатъ,
Не сдержитъ ихъ молодой ямщикъ
И колоколъ гудеть, поетъ

Въ верьху дуги качаяся....
Обозъ идетъ, чуть тянется
И веселы обозные
Товаръ везутъ — копѣйки ждуть.
Синѣются, пестрѣются
Прохожіе въ воскресный день
Заслышавши по воздуху,
По воздуху, по ясному
Изъ ближнихъ селъ знакомый звонъ. —
Все весело, все хвалить день,....
Но вотъ идетъ, чернѣется
Толпа людей оборванныхъ;
Идутъ, гремятъ оковами
И гонять ихъ на привязи.
Огонь въ глазахъ и брань въ устахъ,
Ихъ волосы всклокочены
И лица ихъ искривлены.
Одинъ изъ нихъ, какъ писаный,
Тихошенекъ, смиреншенекъ,
Молчитъ, груститъ и думаетъ:
«За чѣмъ твоихъ рѣчей благихъ
Сестра моя, душа моя!
Несчастный я не слушался?..»

О. Глинка.

НѢСКОЛЬКО СТРФЪ

ИЗЪ НЕИЗДАННОЙ ПОЭМЫ.

==
I.

Отгрянь поэзіи Шафора (*),
Звучи, властительный Мицморь (**),
Киши душа; блести мой взоръ,
Отъ вдохновительнаго жара!
О сердце! крыче въ грудь стучи, —
И лей блестящіе ключи
Своихъ роскошныхъ выраженій!
Кишите, рвитесь вы впередъ,
Какъ полный жизни водометъ
Какъ взрывы жаркихъ изверженій,
И засіяйте, какъ заря,
Сквозясь и тая и горя! . . .

II.

Подъ небеса, Орель могучій!
На верхъ, на верхъ, Орель рѣчей:
Въ разгаръ огня, въ игру лучей,
На пиръ восторговъ и созвучій!
Отдай прощаніе земль,

(*) Серебряная труба.

(**) Ода.

Взгляни кругомъ, разширь криле,
Взмахни широкимъ взмахомъ бури,
Полнеба въ крылья захвати,
Возвысься въ даль, плыви, черти,
Черти и рѣжь поля лазури,
Еще дай кругъ по высотамъ —
И встань величественно тамъ!...

III.

Такъ! хорошо! теперь ты рядомъ
Съ державнымъ исполиномъ дня,
И полный силы и огня —
Весь міръ окидываешь взглядомъ!...
Великъ разгуль, широкъ просторъ, —
И очарованъ ясный взоръ
Красой властительскаго дѣла
И безконечностью родной!
Заговори же, смѣлый мой,
И пусть пространство безъ предѣла
Разрубить царственная рѣчь,
Какъ рубить мечъ съ могучихъ плечъ.

IV.

На міръ нахлынуло смятеніе;
Подъ грохотаніе небесъ
Тряслась земля, щепился лѣсъ,
Валы рвались, какъ иступленіе,
Стремнистый вихрь пронзалъ насквозь,

Трепало, падало, лилось,
Скалы кремнистыя качало,
Обломки ихъ несло, какъ листъ,
И въ гулы врѣзывался свистъ,
И въ свистъ ныло и стонало,
И пылъ огня, въ пылу тревогъ,
Вился, перунился и жегъ!...

V.

Была гроза, гроза паденья,
Крутился вихрь чумы плотской;
Горьла страсть и лиль рѣкой
Грязняцій ливень заблужденья;
И жалкой суетности мгла
Меня какъ жаръ собою жгла;
А все, что мнѣ дано сначала,
Чѣмъ жизнь отрадна и красна,
Вся эта теплая весна
Какъ подъ морозомъ замерзала,
И вреднымъ воздухомъ дыша
Оземлялася душа....

VI.

Безъ обработки и призьнья
Пустыла нива въ забытїи;
И какъ наносные слои,
Отстон мутнаго броженья,
И грязный соръ плотныхъ душъ

Ложились видимо на ней:
Нигдѣ колосевъ съ дивнымъ хлѣбомъ,
Нигдѣ душистаго цвѣтка,
И подъ сугробами песка, —
Какъ мумія подъ знойнымъ небомъ, —
Давно забытое въ глуши
Иссохло творчество души.

VII.

Гдѣ сибаритскій пиръ кшгучій,
Мышленій чистыхъ сытный пиръ?
Гдѣ свѣтлый рай, гдѣ звонкій міръ
Философическихъ зозвучій?
Все было сжато какъ тюрмой,
Повито въ грѣхъ, одѣто тьмой,
Лишь не спало воображенье
И заблужденіемъ пьяно —
Бродило дикое оно,
Какъ изъ могилы привидѣнье,
Цѣпами бѣдствія бренча
О костянистыя плеча! —

VIII. IX. X. XI. XII.

И все росло, росло страданье
Во мгль позорно закланной.....
.....
.....

ХІІІ.

.....
.....
Но вдругъ
.....
.....

Какой-то силой благодатной
Богато полной красоты —
Я ожилъ въ лонѣ чистоты,
Какъ въ колыбели ароматной
И въ ней, веселіемъ блестя
Лежалъ я мирно, какъ дитя....

ХІV.

Вокругъ меня журчали воды,
Цвѣтилась весело земля,
И шелковистыя поля,
Со всей раздольностью свободы,
Раскинули до ската горъ
Свой зеленѣющій коверъ;
И горы были въ три ступени;
И въ санавитой красотѣ
Онѣ всходили къ высотѣ,
И прохлаждающія тѣни
Отъ нихъ роскошливо легли
На свѣтлое лице земли! —

XV.

Одна ступень, ступень меньшая,
Была желательно цвѣтна,
И вся холистая она,
Свѣжо весною навѣвая,
Къ ногамъ привольно — тучныхъ стадь,
За скатомъ разстилама скать;
Потомъ, украшенная лѣсомъ
Ступень другая шла за ней;
И вся пышна въ одеждѣ сей
Сплетала темнымъ занавѣсомъ
Свои деревья и кусты,
Шумя листьями о листы.

XVI.

А тамъ восторженно за оной
Взлетала третія ступень:
Горда — какъ умъ, свѣтла — какъ день,
Она державною короной
Взнесла въ лазурные луга
Свои алмазные снѣга;
И въ томъ сіяньи богатомъ,
Кипучей жизни горячи,
Свергались внизъ ея ключи,
Скача по яшмамъ и агатамъ,
И чудно брызгая вокругъ
Сребро, и злато, и жемчугъ!....

XVII.

Осыпанъ яркими лучами
Тѣхъ дивно — радужныхъ огней,
И въ глубину минувшихъ дней
Вглядясь разумными очами, —
Съ восторгомъ сердца я узналъ,
Что троерядный этотъ валь
Есть валь могучаго Алтая; —
И все отъ неба до полей
Мнѣ показалось свѣтлѣй,
Затѣмъ, что родина святая
Моей душѣ всегда была
И ненаглядна и мила!...

XVIII.

Уже отрадливѣмъ волненьемъ
Не замѣчаемо объять,
И въ тѣ верхи впередъ взглядъ,
Я съ поэтическимъ стремленьемъ,
Въ порывѣ — смѣль, въ движеніи — скорь,
Хотѣмъ взбѣжать на темя горъ.....

.
.

XIX XX. XXI. XXII. XXIII.

.
.

XXIV.

И дань ему, какъ исполню,
Широкій путь, огромный шагъ,
И міръ пзящества и благъ
Предъ нимъ торжественно раздвинуть;
.....
.....
Чтобъ только трогаль онъ сердца,
Чтобъ только миль онъ къ нимъ отраду,
И о высокомъ говоря,
Вознесъ бы ихъ къ любви Царя.

XXV

А онъ....безумно презирая
Цвѣты безвечернаго дня,
И самъ себя отстороня
Отъ вдохновительнаго рая,
Ворвется въ міръ слѣпыхъ страстей,
И омоча концы кистей
Въ застой и гниль душевной тины,
Начнетъ писать своей рукой,
Заразной немощи плотской,
Отвратно — гнусныя картины,
Чтобъ, распаля другихъ, увлечь
На путь разврата, какъ на мечь!

XXVI.

Все лучезарное, святое,
Онъ презираетъ какъ раба,

И чувства сладкія хлѣба,
Слитыя въ море золотое,
За тѣмъ невяжеть онъ въ снопы,
Чтобъ стать потѣшникомъ толпы,
И чтобъ имѣть и честь и право
Съ великолыснаго пути
До шутовства ему сойти;
И бывъ общественной забавой
Безумный крикъ и шумъ глупцовъ
Сбирать себѣ въ замѣнь вѣнцовъ.

XXVII. XXVIII. XXIX. XXX. XXXI.

.
.

XXXII.

.
.

Старайтесь быть въ душѣ новы
Прервите связи со страстями,
И взвейтесь мыслью въ вышину:
Тогда, приближась къ полотну,
Смѣлый широкими кистями
Рисуйте все. И все на немъ
Задышитъ жизнью, какъ полднемъ!...

XXXIII.

Рисуйте все, но вашей цѣлью
Да будетъ лоно красоты;

А кротость чувства для мечты
Вы приготовьте колыбелью,
И поселите въ ней себя
Благоговѣніе къ судьбѣ;
Да будутъ мысли ваши святы,
И вся душа у васъ чиста
Какъ цвѣтъ лилейнаго листа;
И умиленія ароматы
Да окружать и обовьютъ
У васъ духовности пріютъ!

XXXIV.

Рисуйте такъ — и все заблещетъ
Въ картинахъ тѣхъ на пирѣ очей
Какъ ливень свѣта и лучей;
И сердце сладко затрепещетъ
У васъ въ груди; и все оно,
Дождемъ красоть растворено,
Отбрызнетъ радостныя слезы
Какъ упоенья водометъ;
И ваше счастье процвѣтетъ
Какъ процвѣтаютъ пышно розы;
И на румяной ихъ красѣ
Восторгъ разбрызнется въ росѣ.

XXXV.

Васъ волны звуковъ мирно встрѣтятъ:
Вы закунаетесь въ нихъ,

И струны чувства у благихъ
Роскошнымъ говоромъ отвѣтять
На рѣчь о свѣтлой сторонѣ;
И вы увѣритесь вполне
Какъ дивны связи съ вышиною....

.

XXXVI. XXXVII. XXXVIII.

.

XXXIX.

Такъ! будь пѣвцомъ любви надзвѣздной!
Звени громчѣй, звучи, играй;
И въ благодатный оный край,
Гдѣ та любовь развита бездной,
Стрѣлою мчись, орломъ пари,
И утони въ ея зари;
И отдаваясь ей на вѣчно —
Въ объятяхъ царственницы той —
Дыши ты нѣгою святой,
И восторгайся безконечно,
За тѣмъ, что дивная она
Вся вдохновеньями полна.

XL.

Къ тебѣ, пѣвцу, придетъ ли Рега (*)

(*) Внезапное бѣдствіе.

И сдвинуть душу тѣснотой,
А ты въ любовь, — и тихо пой!
Или возвышенная нѣга
Въ тебя вольется теплотой,
Ты къ ней опять — и сладко пой!
Или веселье жизни ясной
Придетъ играть съ твоей душой,
Ты все къ любви — и звонко пой!
И вотъ избранницей прекрасной
Она обнимется съ тобой:
А ты любзай, люби и пой!

XLI.

И пой ты такъ святѣя рѣчи,
Чтобъ ихъ блистательный потокъ
Былъ живъ, и ясенъ, и легокъ,
И былъ сильнѣй и жарче съчи!
.....
И чтобъ, услыша звуки тѣ,
Невольно сердце затихало,
И вдругъ потомъ, вскипая вновь,
Само просилось бы въ любовь!...

XLII.

Запой же ты, запой душою
О нѣгъ Бога — Садаи (*);

(*) Всемогуцій.

И вся, дробяся на струи,
Та пѣснь расплещется рѣкою,
И побѣжить и закипитъ,
Блестя на видъ, какъ зекинить;
И скажутъ дальніе потомки,
И скажутъ дальніе вѣка:
Да, эта пѣсня глубока,
Да, эти строчки небомъ громки,
И для души онъ свѣтлѣй
Игриво радужныхъ огней.

XLIII.

.....

XLIV.

.....
И думой свѣтлѣ, мечтою чистѣ,
Развилъ я смѣло книжный листъ;
И начертанья заструились,
И вдохновенья издали
То какъ ручьи ко мнѣ текли,
То искрометностью звѣздились,
То быстро глубами огня
Они свергались въ меня.

XLV.

Но такъ ли я воспѣлъ душою
Что завѣщалъ мнѣ дивный сонъ?...
О нѣтъ! .. Взиваяся мечтою
Въ неисповѣдныя края,
И отблеска не вымѣлъ я
Того святаго упоенья,
Какое въ оныхъ разлито;
За тѣмъ, что люди, какъ ничто,
За тѣмъ, что мы сыны паденья;
И намъ ли Божью благодать
Въ рѣчахъ надземныхъ передать?...

XLVI.

.....

XLVII.

И такъ, раздайтесь пѣснощница,
Звѣня, и трелясь, и звуча,
И лѣтомъ горнаго ключа
Къ сынамъ благова вдохновенья
Стремясь отъ мирнаго пѣвца,
То ублажайте ихъ сердца
Какъ нѣгой дивнаго Элея,
То о восторгахъ бытія
Звените дробью соловья,

То задышите какъ лилея,
И въ ихъ цвѣтный, душевный садъ
Небесный вѣйте аромать.

XLVIII.

А вы, вѣка, раскройте лоно,
И разступитесь вѣка!...
Вы видите: идетъ рѣка
.....
Спѣшитъ протечь какъ между скаль,
Чтобы вездѣ благихъ похвалъ
Росла и крѣпнула Держава
На этомъ поприщѣ время;
И чтобъ отъ нынѣшнихъ племенъ
Какъ громъ отгрянула бы слава
Къ другимъ, далекимъ племенамъ,
И все Ему... не намъ, не намъ!

В. Соколовскій.

КЪ

Твои пленительныя очи
Свѣтлѣ дня, чернѣе ночи.

=

Довольно встрѣтиться съ тобой,
Чтобы не почитать поэзіи мечтой,
Сей счастливый дѣстихъ прекраснаго поэта;

Но недостаточно, ни света,
Ни ясности твоихъ очей,
Чтобъ прояснить вполне красу души твоей,

Подруги ангеловъ небесныхъ:

Она прелестіе очей твоихъ прелестныхъ;

Она чиста, свѣтла, жива,
Какъ солнца, въ чистый день, восходъ игривый;
Но на землѣ ея небесныя права

На вѣкъ счастливыя
Не вовсе признаны. Не міра суеты,
Не хитрости людей, не прелести тщеты
Мнѣ страшны за тебя; но, признаюся,

Я, не безъ опыта, боюся

Разкрашенной романами мечты.

Ахъ, не мечтай! а думай русскимъ толкомъ;
Пожалуй ты себѣ, о женихахъ смѣкай,

Да только тихомолкомъ,
Кто попорядочнѣй — смиренно замѣчай,
Кто подостойнѣе — привѣтомъ отличай,
Сухой холодностью любезныхъ не пугай
И даже: но не всѣхъ, а съ выборомъ: прельщай,

Да только не мечтай!

Изъ разныхъ книжекъ идеала

Себѣ въ мужья не составляй,

И съ нимъ лице въ лице никакъ не подбери
Мундирныхъ усачей, сокровищъ для бала,

Иль фрачного, съ бородкой, либерала,
Иль даже статскаго, съ крестами, Генерала.

Романы-жъ.... охъ!.... ужъ такъ и быть: читай

Да изъ себя романа

Отнюдь не сочиняй.

Воображенія залетнаго примана

Ты бойся какъ огня: ну словомъ не мечтай,

Иль промечтаешь въкъ; а станется и хуже:

Когда твой идеаль: какъ будто по канвъ

Прекрасно вышитый мечтами въ головъ:

Предстанеть въ женихъ, а послѣ, выйдетъ въ мужъ

Плохая копія съ дурныхъ мужей,

Какихъ назвать могу, по-крайней мѣрѣ, до ста;

Но если все еще не отучилась ты

Въ саду, одна, читать печатныя мечты,

То въ этой крайности ужъ мнѣ приходится просто

Себя представить въ образецъ,

Чтобъ казнилась на немъ моимъ житьемъ тоскливымъ.

И мнѣ бы можно быть, такъ за просто, счастливымъ

Какъ дѣдъ мой и отецъ,

Да замечталъ, мечталъ, мечталъ и наконецъ

Подъ старость намечталъ себѣ такое горе,

Котораго ни гдѣ размыкать не могу:

Какъ дряблая лоза на скошенномъ лугу

Я одинехонекъ, терплю мученье, въ спорѣ

Моей души безлѣтно молодой

Съ моею сѣдою головой,

И скорбная душа.... но дѣлю не объ этомъ:

Мой образецъ не худъ, да отъ тебя далеку,

И на твоёмъ въку, еще весной и лѣтомъ,

До осени положень долгій срокъ;

Такъ не страшись любви: люби, Господь съ тобою,

Не вспыхомъ головнымъ, а теплою душою;

Ее же пріотить, большаго спѣха нѣтъ:

Еще останутся на много, много лѣтъ:

Твои плѣнительныя очи

Свѣтлѣ дня, чернѣ ночи!

К. А. А. Шаховской.

Харьковъ. 1842.

ГОРЕЦЬ,

СЦЕНЫ ИЗЪ ДРАМАТИЧЕСКАГО СОЧИНЕНІЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Антонъ Ревизорчукъ, молодой горець.

Марѳа, его мать.

Пракседа, его невѣста.

Максимъ Тыхоньчукъ, ея дядя.

Прокопій, стрѣлецъ (сотскій).

Анна, его жена.

Мандатарій (становой въ деревнѣ Жабье).

Коммисаръ изъ г. Куть, (членъ Окружнаго Правленія).

Еврей, хозяинъ постоялаго двора недалеко отъ г. Лемберга.

Фельдфебель полка Кн. Лихтенштейна.

Пѣхотный Офицеръ и солдаты.

Горцы разнаго пола и возраста, разбойники (по тамошнему *опрышки*).

Дѣйствіе происходитъ въ горахъ Карпатскихъ, по рѣкѣ Черетому; часть втораго дѣйствія — въ небольшомъ городкѣ, не далеко отъ Лемберга.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

=

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

(Передъ корчмой въ деревнѣ нагорной Жабье. Горцы разнаго пола и возраста въ праздничномъ платьѣ. Старики за столомъ; молодежь въ разговорѣ между собою, или возлѣ двушекъ. Костюмъ мужчинъ слѣдующій: куртка безъ рукавовъ изъ бараньихъ смушекъ, обращенная шерстью къ телу. Широкій поясъ изъ чернаго ремня, выложенный въ разные узоры желтыми гвоздиками, за поясомъ у каждаго ножъ, ложка и пара небольшихъ пистолетовъ, синія брюки, сверху которыхъ изъ подъ пояса спускается рубашка; чрезъ правое плечо виситъ на узорчатой тесьмѣ сума, изъ матеріи на подобіе шотландскаго тартана; въ ней порохъ, пули и проч., на ногахъ легкія лапти изъ кожи; волосы въ густыхъ курдрахъ спадаютъ на плеча, на головѣ шляпа круглая съ большими полями и перомъ; сверху красный плащъ безъ рукавовъ, недостающій до коленъ, по краямъ обшитый чернымъ шнуркомъ и такимъ же завязанный подъ шею; у всякаго, безъ различія возраста, на лѣвой рукѣ топоръ. Женщины одѣты, какъ обыкновенно одѣваются въ Галиціи. У двушекъ красная юбка, узорчатый передникъ; рубашка, украшенная на рукавахъ шитьемъ; на шеѣ разноцвѣтныя ожерелья, на которыхъ виситъ большая золотая монета; косы заложены на верхъ головы, въ концы ихъ вплетены красныя тесемки или ленточки, которыя по за ушами спадаютъ на грудь).

(Передъ поднятіемъ занавѣса слышна флейта на голосъ народной пѣсни: коломыйка; когда же занавѣсъ поднимается, одинъ изъ горцевъ поетъ).

Одинъ голосъ.

Десь далеко васъ погбнать
Сь ланцюкомъ нашіи;
Вже вамъ бильше не зазвонять
Звбны коломыйи.

Хоръ.

Десь далеко васъ погонять.

и проч.

Максимъ.

Эхъ, перестаньте братцы, пожалуйста перестаньте! Охота вамъ пѣть эту пѣсню; я ее терпѣть не могу! Пятнадцать лѣтъ таскалъ я нѣмецкое ружье, и, какъ разъ въ ту самую минуту, когда надѣвали мнѣ киверъ на голову, мнѣ запѣлъ ее какой-то чортъ. Да, братцы, да! не по сердцу мнѣ она. Въ ней что-то недоброе. Одея! подойди-ка, голубчикъ, да сыграй мнѣ мою... знаешь... тѣ, любимую; а я запою вамъ на свой ладъ.

(Федоръ выходитъ на аван-сцену съ флейтою въ рукѣ, и начинаетъ подыгрывать подъ голосъ Максима, прочіе группируются и слушаютъ).

Только солнышко проглотить,

Веселится Божій свѣтъ;

Но безъ горь душа завянетъ:

Гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ жизни нѣтъ.

Горецъ, въ красный плащъ одѣтый,

У него топоръ въ рукѣ;

Есть ружье и пистолеты,

И отвага есть въ душѣ.

Горцу тѣсенъ домъ зимою, —

Онъ весны какъ птичка ждетъ,

И знакомою тропою

На вершины горъ идетъ.

Тамъ веселье и отрада,
Тамъ съ нимъ всѣ его стада;
Тамъ имѣетъ все, что надо —
И свободу и луга.

Черетощъ по камнямъ льется,
Въ немъ блещитъ лице небесъ;
Горецъ смѣло вдалѣ несется
По горамъ, въ дремучій лѣсъ.

Ели вслѣдъ за нимъ валятся,
Легъ медвѣдь подъ топоромъ;
Козы робко въ пропасть мчатся;
Свищетъ пуля за орломъ.

Наши дѣвушки красивы;
У нихъ черные глаза,
У нихъ руки не лѣнивы
И покорны ихъ сердца.

Наши жены, хоть въ разлукъ,
Стыдъ и вѣрность берегутъ,
Долго ждуть мужей, и въ скукъ
Что же — плачутъ? нѣтъ, поютъ.

ХОРЪ.

Только солнышко проглянетъ и проч.

(Общее движеніе восторга).

Старикъ *(вставая изъ за стола).*

Славно!.... любо!.... ай-да Максимушка! распоть-

Прокопій (самонадпьянно).

Кто-жъ бы это такой?

Пракседа.

Ты знаешь это не хуже меня. О, если бы онъ здѣсь былъ! Я бросила бы въ шляпу свои коральки и червонецъ.

Прокопій.

Видите, какая смѣлая!

Пракседа.

Диво!... Вѣдь я увѣрена, что коральки, червонецъ и всѣ деньги перешли бы къ нему. Онъ возвратилъ бы мнѣ мое, да еще въ добавокъ и поцѣловалъ бы меня, — чему жъ вы дивитесь?

Максимъ.

А! понимаю, лебедка, понимаю! Ты говоришь объ Антонѣ Ревизорчукъ! — а что, онъ и за правду молодецъ хоть куда: любому орлу перешибеть крылья.

Пракседа (подтверждая слова его улыбкой).

Что жъ, коли дѣло за нимъ — подождите его.

Прокопій.

Это что за новость? Семеро одного не ждутъ — людей взрослыхъ заставлять ждать мальчишку, — не хочу, не согласенъ!

Многіе.

Боишься! боишься! ага! что, храбрость въ пятки ушла? Подождемъ Антона, подождемъ!

Прокопій.

Если такъ, — жду. (*Въ сторону*) А, чортъ возьми! досадно, мочи нѣтъ! всегда этотъ проклятый...

Нѣкоторые (*смотря вдаль*).

А! да вотъ, и онъ!

Антонъ (*входитъ поспѣшно*).

Здравствуйте, земляки! что подѣлываете? (*Пракседа*) что это у тебя въ рукахъ?

Пракседа.

Подарокъ, Антонъ, подарокъ — (*снимаетъ коральки и бросаетъ ихъ въ шляпу*). Но смотри, не проводи меня! Боже упаси, если... (*ласково грозитъ ему*).

Антонъ.

Растолкуйте же, что вы это затѣяли?

Максимъ.

Держимъ закладъ, Антонъ. Видишь ли вонъ ту вѣтку, — кто отсѣчетъ ее въ десяти шагахъ, тотъ получитъ все, что въ этой шляпѣ.

Пракседа.

Въ ней и коральки мои — понимаешь?

Антонъ.

Понимаю — что-жъ, я не прочь. Только десять шаговъ мало, — двадцать.

Прокопій.

Согласенъ.

Прочіе.

И мы тоже.

Антонъ (Максиму).

Тебѣ, старинушка, можно-бы позволить бросить топоръ и въ десяти шагахъ. (Прочимъ) Не правда ли, товарищи?

Всѣ (кромѣ Прокопія).

Правда, правда!

Максимъ.

Молчать! что вы въ самомъ-дѣлѣ? Не хочу! я — какъ и всѣ! Прوماхнусь, скажете: старикъ! и только. Знаю я васъ, молодежь! Если мнѣ удастся отрубить вѣтку въ десяти шагахъ, вы-же начнете подтрунивать. Притомъ-же въ шлягу попали и коральки, а они, вѣрно, не для меня.

Пракседа.

Угадалъ, дѣдушка, право не для тебя.

Максимъ.

Пу-ка, къ дѣлу! (отмѣриваетъ разстояніе) Прочь! посторонитесь! Я начинаю (бросаетъ топоръ).

Всѣ.

Не попалъ.

Старикъ (за столомъ).

Охота тебѣ, Максимъ, братья не за свое дѣло? Подика лучше къ намъ, присядь, выпьемъ, да потолкуемъ. (Максимъ садится къ нему).

Прокопій.

Кто-же теперь?

Максимъ.

Пусть назначаетъ Пракседа.

Антонъ.

Пракседа! меня послѣ всѣхъ.

ПРАКСЕДА.

Оеда! бросай ты. *(Оедоръ бросаетъ топоръ).*

МНОГІЕ ГОЛОСА.

Промахъ!

Одинъ изъ молодыхъ.

Черезъ-чуръ далеко — не хочу.

НѢКОТОРЫЕ.

Да, да! очень далеко! — не хотимъ! Отказываемся.

ПРОКОПІЙ.

Ну, такъ пустите меня — Пракседа, что-жъ ты молчишь?

ПРАКСЕДА *(вызываетъ протяжно).*

Стрѣлецъ, наушникъ Г. Мандатарія! *(Прокопій выступаетъ)* А! такъ это вы, Прокопій? *(Прокопій сердито бросаетъ топоръ).*

Одинъ изъ молодыхъ.

Славно! жаль только, что не совсѣмъ. Зацарапалъ вѣтку, да мало.

ПРАКСЕДА.

Да; жаль цванцигера; а его, вѣрно, далъ Г. Мандатарій за какую-нибудь толстенную ложь.

Антонъ.

Молчи, Пракседа! Охота тебѣ...

Проконій.

Да, и я говорю, молчи!... Ты, что-то бойко очень смѣешься нынче; смотри, чтобъ завтра не довелось плакать.

Антонъ.

Ну, полно! не стращай ее... Она моя невеста, и я... ты знаешь — я не слишкомъ робокъ, да и вздоровъ не жалуя. Ну, Пракседа, вызывай.

Пракседа (игралъ коральками).

Антонъ!

Проконій.

Погодите! А если и онъ не отсѣчетъ, тогда что?

Всѣ.

Старики разсудятъ тогда.

Пракседа.

Обойдется дѣлю и безъ стариковъ. Антонъ отрубить, ручаюсь вамъ.

Антонъ.

Посторонитесь! прочь! (бросаетъ топоръ, и некоторые бѣгутъ и приносятъ вѣтку).

Одинъ изъ молодыхъ.

Ай-да хватъ! Посмотрите, отрубилъ, какъ отрѣзалъ. (Пракседа бросается къ Антону на шею, онъ отдаетъ ей коральки; Пракседа, вынувъ изъ шляпы цванцигеръ, показываетъ его Проконію, который со стыдомъ и досадою отворачивается въ сторону).

Антонъ.

Хозяйка! пива на всѣ эти крейцеры! Дружно, товарищи! Принимайтесь-ка за стаканы! — Сегодняшній день пусть будетъ нашъ — а завтра... « Богъ да Нѣмцы знаютъ, что будетъ съ кѣмъ нибудь изъ насъ завтра. (Пьетъ) Милости прошу, товарищи; Одея, поиграйка, братъ, да знаешь, повеселѣе!... (Отедоръ играетъ; Антонъ, схвативъ Пракседу, пляшетъ; но встревоженная молодежь останавливаетъ ихъ).

Одинъ изъ молодыхъ.

Постой, Антонъ! Что-ты сказалъ? Ты вѣрно, что нибудь слышалъ? Не шути, ради Бога! Мнѣ вотъ такъ и чудится, что рука Нѣмца лазить у меня по шеѣ.

Антонъ.

Да, любезный, и не ошибаешься — плохо?

Многіе.

Что-же такое? говори безъ обиняковъ... что случилось?

Антонъ.

Не случилось еще, а случится и такое-то, что будетъ всѣмъ намъ не пошерсти. Послушайте! вчера я былъ въ Яворовѣ, и встрѣтилъ тамъ знакомыхъ мнѣ господъ, бывшихъ на воды въ Буркутъ (*). Въ прошломъ году я служилъ имъ; господа они добрые, жаловали меня, ходили со мной въ запуски на Черную Гору, они на лошадяхъ, а я пѣшкомъ. Бывало, имъ любо смотреть, какъ пущенная мною сѣль бѣжала внизъ, какъ я для шутки гнался за

(*) Минеральныя воды въ Карпатскихъ горахъ.

нею, бросалъ въ нее топоръ и, схвативъ его потомъ за рукоятку, удерживалъ на мѣстѣ.

Проконій.

Аль они сказали тебѣ что нибудь?

Антонъ.

Экой ты допытливый! Ты стрѣлецъ, сотскій, или десятскій, кто тебя знаетъ, — но ты не таскаешь лисицъ изъ норы, не борешься съ медвѣдемъ на вершинахъ горъ и не ищешь дикихъ козъ между колодами старыхъ елей — это, изволишь видѣть, не по плечу чиновному человѣку; ты знатный охотникъ на нашего брата горца и мастеръ передавать насъ Нѣмцамъ... Убирайся-ка отсюда по добру да по здорову, — то, что скажу я землячкамъ, для тебя не новость: Мандатарій чай давно уже шепнулъ тебѣ это на ухо.

Многіе.

Да ну, говори, Антонъ, говори.

Антонъ.

Видите-ли, что: — Панъ Янъ Мельбаховскій, увидя меня, подозвалъ къ себѣ и сказалъ: «что, братъ Антонъ! бѣда сидитъ за угломъ: вѣдь и у насъ уже положено брать рекрута.»

Молодежь.

Рекрута?...

Дѣвушка.

Рекрута? Господи!

Антонъ.

Мандатъ посланъ уже и къ намъ; такъ сказалъ Мель

баховскому Крейсгауптманъ въ Коломѣ. «Берегись, Антонъ, а то жаль тебя!» сказала молоденькая жена Мельбаховскаго; на что я и отвѣчалъ ей: воля Царская — воля Божія; но я-де, сударыня, не боюсь: меня законъ защищаетъ, потому что я одинъ сынъ у матери.

Проконій (*въ сторону*).

Посмотримъ, поможетъ-ли это тебѣ.

Одинъ изъ молодыхъ.

Боже ты мой милостивый! чтоже: я не одинъ у матери; насъ кучка порядочная!... Того и гляди, жребій падеть на меня — бѣда да и только! Хоть-бы на это время нелегкая взяла всѣхъ братцевъ и сестрицъ моихъ.

Нѣкоторые.

И я не одинъ въ семьѣ, и я, и я!...

Максимъ (*выводитъ ихъ на авансцену*).

Такъ вы не одни въ семействѣ?

Нѣкоторые.

Слышишь, что нѣтъ! — Максимушка, голубчикъ! ты человѣкъ бывалый, скажи, какъ пособить бѣдѣ?

Максимъ.

А поглядите-ка вонъ туда — что вы тамъ видите?

Нѣкоторые.

Да что? вѣстно что — горы.

Максимъ (*передразнивая ихъ*).

Горы!... эхъ вы, несмышленные! а въ горахъ-то есть лѣса, въ которыхъ не была еще нога ни одного Нѣмца; тамъ скалы и пещеры, гдѣ лежи себѣ и смѣйся, хотя-бы сотня солдатъ проходило мимо; тамъ ели, лѣтъ пятнадцать уже гниющія, за которыми не отыщешь тебя и лѣсная собака, не то что табачный обвѣзчикъ — эка бѣда привалила! чего дремать?

Нѣкоторые.

Спасибо, Максимушка, спасибо! Отъ словъ твоихъ душа повеселѣла; будто сотня Нѣмцевъ съ плечъ упала.

Вся молодежь.

Чего-же медлить въ самомъ дѣлѣ? Живѣ ребята, живѣй! Прощайте, старики? Прощайте, матушки! до свиданья, красныя дѣвицы! (*уходятъ*).

Старики (*встаютъ*).

Пора и намъ. Спасибо, Антонъ, за шивцо.

Антонъ.

Не меня благодарите, а вотъ его (*указываетъ на Проконія*); вѣдь цванцигеръ-то онъ положилъ. До свиданія! Прощай и ты, моя Пракседочка! Я иду къ матери; я давно не видалъ ее (*уходитъ*).

(*Дѣвушки, взявшись за руки, уходятъ, припѣвая коломыйку; пѣсня вдали, затихаетъ. На сценѣ остается одинъ только Проконій; онъ стоитъ, погружаясь въ размышленіе*)

Проконій.

Пословица права: не корми волка съ собакой — не уживутся: подрастуть и — пойдеть потѣха. Мало — ли здѣсь молодцевъ, но всѣ они уважають меня, какъ старшаго. Каждый встрѣчаетъ меня съ поклономъ, подѣ-часъ и поподчивать готовъ... что-жъ! — Этотъ проклятый молоко-сосъ Антонъ... Онъ мнѣ какъ бѣльмо на глазу! .. Только появится, вздернувъ носъ, взглянетъ на меня своими бурколами, — такъ вотъ и кажется, что подо мною земля ходоромъ ходить. Три дни хлѣба не ѣлъ-бы, только-бъ задушить его!... Чортъ знаетъ, за что его всѣ здѣсь такъ уважають... Куда не придетъ, всѣ таращатъ на него глаза... Пусть однѣ только дѣвки посматривали-бы и зорились на него — это недиво: двадцать три года, румяныя щеки, черныя усики и густыя кудри — это при-манка для нихъ; но старики-то за чѣмъ со вниманіемъ слушаютъ его балясы? — Нѣтъ, вдвоемъ съ нимъ не житье намъ на землѣ, — она хоть и раздольна, но тѣсна для насъ, или онъ, или я!... Рекрутчина! что если бы удалось мнѣ постричь его, какъ барана; вырвать на всегда изъ рукъ его тоноръ; обгнѣнить молодца бѣлымъ мундирчикомъ, чтобы онъ издали казался выштукатуреннымъ Нѣмцемъ... О, хорошо было-бы это! Тогда отъ сердца моего отлегла-бы тяжелая гора!... Но какъ это сдѣлать? Трудно, почти не возможно: напасть на него открытою силою, но онъ не дастся десятерымъ. И подѣ какимъ предлогомъ? Онъ одинъ у матери... (*увидя подходящаго Мандатарія*) А, вотъ и Г. Мандатарій! Не поможетъ-ли онъ?... Попытаюсь; до-сихъ-поръ мнѣ удавалось дѣлать изъ него все. — Да, пусть онъ найдетъ средство поймать

вѣрона въ сѣти, — онъ вѣдь человѣкъ грамотный, говорить по Латынѣ. Э, да онъ вѣрно получилъ что нибудь изъ Окружнаго Правленія, — недаромъ такъ важно идетъ и шевелить губами. Настоящій воля! Поѣсть, выпить, поспать и опять выпить — вотъ его дѣло.

Мандатарій (*) (*входитъ важно*).

Ну, что же, Прокопій?

Прокопій (*смиренно*).

Ничего-съ, Ваше Благородіе.

Мандатарій.

Ничего-съ? То-то ничего-съ! а мы такъ знаемъ кое-что... Мандатъ, то есть приказаніе отъ Окружнаго Правленія... Понимаешь? получено... Велѣно брать у насъ рекрутъ. Понимаешь? а?

Прокопій.

Рекрутъ?... дѣло!... Но откуда-же взять ихъ, Ваше Благородіе?

Мандатарій.

Какъ откуда взять? Мало-ли у насъ молодцевъ, то есть, такихъ, которые годятся, такъ сказать, въ службу? — Прикажи мнѣ подать пива.

Прокопій.

Оно такъ, Ваше Благородіе; но гдѣ они? Теперь, хоть гончихъ пошлешь, ни одного не сыщешь.

(*) Родъ Становаго Пристава каждаго имѣнія.

Мандатарій.

Гмъ! Да на что-же вы, то есть, сотскіе и десятскіе стрѣльцы? Прочіе горцы отбываютъ повинности, то есть работаютъ на казну двѣнадцать дней въ году. Вы-же что? — Вамъ, такъ сказать, не надобно сбивать плоты и отправляться съ ними въ городъ, то есть въ Косовъ или, такъ сказать, въ Куты, — что же вы дѣлаете? Вамъ только и заботы, что исполнять мандаты, то есть приказанія. Я на то Мандатарій, чтобы приказывать брать, а вы на то стрѣльцы, чтобы знать гдѣ взять, и взять безъ отговорокъ; чтоже ты, такъ сказать...

Проконій.

Оно все такъ, сущая правда, Ваше Благородіе! Мы должны и готовы служить, да какъ же служить, когда средства улизнули изъ подъ-руки? Вотъ, когда-бы молодежь наша еще не провѣдала, — иное дѣло: тогда можно было-бы напасть на нихъ, какъ на лисицъ въ норахъ, да и цапъ-царапъ; но какой чортъ поймаешь ихъ, когда они разбѣгутся по горамъ, прильнуть къ скаламъ, какъ мохъ, разлетятся по вѣтвямъ, какъ птицы? Поди, ищи вѣтра въ полѣ.

Мандатарій.

Откуда-же узнали они о рекрутчинѣ? Кто же сказалъ имъ объ ней?

Проконій.

А кто все знаетъ, какъ не господа, ѣдущіе въ Буркутъ? Кто всегда съ господами, какъ не Антонъ Ревизорчукъ: — сего дни пришелъ изъ Яворова, да и давай здѣсь рассказывать всѣмъ, что мандатъ о рекрутчинѣ уже посланъ:

Мандатарій (*важно*).

То есть ко мнѣ?

Прокопій.

Этого онъ не сказываль, Ваше Благородіе!

Мандатарій.

Не сказываль!... негодай!... Къ кому-жъ, такъ сказать, какъ не ко мнѣ, долженъ присылаться сюда мандать?

Прокопій.

Суцая правда, Ваше Благородіе; но про васъ не сказаль онъ ни слова; такъ, извольте видѣть, просто пришелъ сюда, рассказалъ всѣмъ, да и все тутъ. Вотъ ка-бы вы сами изволили быть тогда здѣсь, да видѣть, какую кутерьму заварила молодежь, узнавши о рекрутчинѣ, — вы не стали-бы обвинять насъ, стрѣльцевъ. Видя, что дѣло плохо, молодцы на утекъ, въ горы.

Мандатарій.

Досадно! это преказусная, прескверная, такъ сказать, штука! — Прикажи-же подать мнѣ пива.

Прокопій (*въ сторону*).

Хоть-бы ты лопнулъ!... (*громко*) Слушаю, Ваше Благородіе. (*въ сторону*) Ему и полведра маю... (*громко*) Ваше Благородіе!

Мандатарій.

Такъ сказать, что?

Прокопій.

Дѣло-то плуховато — и поправить его трудно.

Мандатарій.

Однако-же надобно, такъ сказать, поправить его.

Прокопій.

Для того-то я и осмѣливаюсь предложить свое мнѣніе: не благоугодно-ли будетъ Вашему Благородію послушать меня? Такъ какъ Ревизорчукъ разсказами своими разогналъ всѣхъ молодежь, то пусть-же самъ потретъ солдатскую ламку. Пока онъ здѣсь, не быть добру, не быть и покорности. Извольте видѣть, если, примѣромъ сказать, гдѣ нибудь соберутся ребята и потаскаютъ другъ-друга въ поволочку, такъ что могло-бы выдти изъ того препорядочное дѣльце — смотри, Антонъ Ревизорчукъ тутъ какъ тутъ, скажетъ слово, и—мировая. Посудите сами, Ваше Благодіе, развѣ его дѣло мирить драки? Развѣ судъ и расправа ему принадлежать?

Мандатарій.

Престественно, такъ сказать, не ему.

Прокопій.

Такъ примѣромъ сказать, въ воскресенье, или въ другой какой праздникъ, соберутся здѣсь старики, дѣвки и молодежь: стоитъ только появиться ему, и посмотрѣли-бы вы, какой ему отъ всѣхъ почетъ и привѣтствіе! Господи твоя воля! Неужели одному ему должны всѣ здѣсь кланяться?

Мандатарій (*Надувшись*).

То есть, разумѣется, не ему.

Прокопій.

Да то-ли еще! Этого мало, Ваше Благородіе! Когда

надобно кого послать куда нибудь; или, примѣромъ сказать, какой чиновникъ изъ Окружнаго Правленія ѣдетъ въ Буркутъ, и надобно дать ему людей для услуги — ходишь, ходишь, зовешь, приказываешь, говоришь, что Г. Мандатарій изрядить изволилъ — куда тебѣ? и ухомъ не ведутъ; не слушаются, да и только... Не-ма, дастъ Богъ, вотъ и все. Пусть-же появиться какой-нибудь панъ, знакомый Антона, — махнулъ рукой — и, скорѣе чѣмъ успѣешь проговорить «Отче нашъ», двадцать горцевъ съ лошадьми какъ туть къ услугамъ его.

Мандатарій.

Вишь-ты? Гмъ! таковъ-то онъ! — Подай-же мнѣ пива!

Прокопій.

Сегодня, примѣромъ будучи, заломался, зачванился; я-де-одинъ у матери, меня-де не возьмутъ, и не боюсь я никого, и смѣюсь-то я надъ всѣми мандатами и мандатаріями.

Мандатарій.

Какъ? что?... Тфу ты, такъ сказать, пропастъ!.. Пусть-бы ужъ надъ Мандатами, а то и надъ Мандатаріями!.. Экой головорѣзь!.. да мы... то есть, я его!..

Прокопій.

Его, Ваше Благородіе, непременно надобно отдать въ рекруты.

Мандатарій.

Да, да!.. Непременно надо!.. Подай мнѣ пива (*пьетъ принесенное пиво*), въ рек... ру... ты его!..

Прокопій.

Хоть онъ и одинъ сынъ у матери, да это не бѣда. Можно написать, что онъ негодяй, Ваше Благородіе, зачинщикъ всѣхъ безпорядковъ, переносить контрабанду изъ Венгріи, бьетъ надсмотрщиковъ; что онъ пьяница, головорезъ, воръ.

Мандатарій.

Что онъ смѣется надъ мѣстнымъ начальствомъ, что.. (пьетъ)...пивцо не дурно; годится, такъ сказать (пьетъ); что... и проч. и проч... Ну, да не безпокойся: я, такъ сказать, съ-умью написать, а ты умѣй его взять...

Прокопій (едва удерживая свою радость).

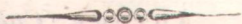
Слушаю, Ваше Благородіе! Но за него надобно взяться умѣючи: онъ одинъ уберетъ десятерыхъ, — настоящій медвѣдь; какъ не запустилъ-бы онъ когтей въ мою голову...

Мандатарій.

Ступай и дѣйствуй, — *Caute et prudenter*. Я-же пойду, и, такъ сказать, прилягу. О, охъ! измучили вы меня, казенныя дѣла! (шатаясь уходитъ).

Прокопій (нѣсколько времени ходитъ въ нерѣшимости).

Ну, Антонъ, теперь я расплачусь съ тобой за все, и наличными денежками (уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Изба въ домъ Антона.

МАРӨА (въ дверяхъ).

Антонъ! дитя мое! ты мое утѣшеніе! отрада моя!

Антонъ (входитъ, обнимаетъ ее).

Здравствуй, матушка!

МАРӨА.

Какъ давно я не видала тебя!

Антонъ.

Пять дней, родная; разве это давно?

МАРӨА.

Для матери и пять часовъ разлуки съ добрымъ сыномъ много. Ты не понимаешь этого, неблагодарный! (Лаская, треплетъ его по щекъ).

Антонъ.

Матушка! родная ты моя! Я люблю тебя горячо, больше жизни, больше Пракседы.

МАРӨА (цалуя его въ голову).

Голубчикъ ты мой, золотой! Я вѣрю твоему сердцу; ты знаешь, что безъ тебя мнѣ было-бы тошно жить на бѣломъ свѣтѣ. Ахъ, какъ горяча твоя голова! Присядь-ка! Ты усталъ, бѣдный! Чай бѣжалъ со всѣхъ ногъ?

Антонъ (Садясь).

Пять дней не видалъ я тебя, добрая матушка!

Марѳа.

А ты-же говоришь, что это не много! Вишь какой лжецъ. *(снимаетъ съ него плащъ)*

Антонъ.

Я спѣшилъ къ вамъ и къ Пракседъ, матушка.

Марѳа.

То-то, лукавецъ! Къ Пракседъ чай больше, чѣмъ ко мнѣ. Ну, да такъ тому и быть... Славная дѣвушка, нечего сказать!... Благослови васъ Господь милосердный... Ну, давай же сюда свои пистолеты, они жмутъ тебя. *(Вынимаетъ пистолеты у него изъ за пояса и кладетъ на скамью)*.

Антонъ.

Нѣтъ, матушка, оружіе никогда не въ тягость горцу; а топоръ такъ сроденъ съ его рукою.

Марѳа *(беретъ топоръ и кладетъ въ сторону)*.

Теперь онъ тебѣ не нуженъ, другъ мой! *(садится возлѣ него на скамью)*. Положи-ка свою молодецкую головушку ко мнѣ на колѣни! *(Антонъ съ улыбкою исполняетъ)*. Вотъ! Охъ, ты, повѣса, повѣса! пять дней бродилъ по горамъ, и воротаясь, побѣжалъ напередъ къ своей Пракседъ! Ну, да Господь съ вами; молодежь!... Давно уже не чесала я твоей головушки, не цѣловала этихъ черныхъ кудрей!... *(играетъ его волосами; Антонъ засыпаетъ)*. — Прокопій является съ другими стрѣльцами, — показавшись въ дверяхъ, они прячутся, выжи-

дая удобной минуты). Головка ты моя милая, головка ненаглядная! Я выцарапала бы тому глаза, кто-бъ рѣшился хоть до одного твоего волоска дотронуться... Но кто-же и посмѣетъ? Я дала моему дѣтищу могучую руку и отважное сердце! Знають люди, какая мать родила его!... Кто только на него не посмотритъ, кто только не услышитъ его голосъ, всякъ по неволѣ скажетъ: это Карпатскій орелъ! берегитесь, мелкія птички, вамъ не догнать могучаго!... Но что это? Уснулъ, усталъ! Бѣдное дитя! Пошли тебѣ Богъ здоровья! Ты единственная утѣха моя въ жизни! (*Прокопій и стрѣльцы подходятъ тихо, бросаются на Антона и прежде чѣмъ онъ просыпается, связываютъ его веревками; одинъ изъ нихъ бросается къ ружью Антона и отставляетъ его въ сторону*). Что вы, что вы, разбойники! Что надобно вамъ? Пустите его!

Антонъ (*вздрагиваетъ; испуганные стрѣльцы отскакиваютъ въ ужасъ и потомъ снова схватываютъ его*).

Чего вы хотите отъ меня?

Прокопій.

Иди-ка, любезный тереть нѣмецкую лямку — вотъ и вся не-долга!

Марсел.

Какъ? въ рекруты? мое дитя? Моего Антона въ рекруты? Нѣтъ! этому не бывать! по какому праву? Развѣ вы не знаете, что онъ у меня одинъ, какъ солнышко на небѣ! (*Прокопій*) Это твои плутни! Ты всегда на него лаля — онъ тебѣ какъ бѣльмо въ твоемъ змѣиномъ глазу!

Прокопій.

Теперь больше не буду маять, голубушка. Не безпокойся, старуха, изъ него выйдет славный солдатъ!

Антонъ *(до сего стоящій пораженный больше изумленіемъ, нежели страхомъ)*.

Глупецъ! ты слишкомъ рано обрадовался. Не безпокойся, мать моя, не безпокойся: закона-то они не проглотятъ; онъ всѣмъ извѣстенъ, — я одинъ сынъ у матери, — прочь вы, разбойники! пустите меня!

Прокопій.

Экой ты ученый! что твой Мандатарій! А того не знаешь, что тебя, такъ, порядкомъ росписали? Ты-де Антонъ Ревизорчукъ разогналъ всю молодежь въ горы, зачинщикъ всякаго безпорядка, переносишь табакъ изъ Венгріи, колотишь надсмотрщиковъ и еще кое-что иное прочее.

Антонъ.

Подлецъ! развяжи мнѣ руки, и тогда скажи это мнѣ!

Прокопій.

Вишь дурака пашель! развѣ я рѣхнулся?

Антонъ *(горестно)*.

Матушка! я такъ любилъ тебя, а ты... ты обезоружила меня, усыпила на своихъ коленяхъ, и спящаго предала въ руки злодѣевъ!

Марѳа *(рыдая)*.

Ахъ, я несчастная!

Проконій.

Ну, полно слушать ихъ рассказы, — ведите его!

Марѳа (бросается на шею сына въ изступленіи).

Нѣтъ! изъ моихъ объятій вы и зубами не вырвете его!... Развѣ забыли вы, что я носила его подъ сердцемъ, что онъ два года лѣлялся у груди моей, что безъ него нѣтъ мнѣ ни дня Божія, ни жизни! Приступите, оторвите его отъ меня. Я, какъ медвѣдица, вцѣпилась въ васъ когтями! О! да будете вы прокляты, если... Пустите его! прочь отсюда!

Проконій.

Сама ты прочь поди! Къ чорту, безтолковая баба! Простись съ нимъ: онъ уже не твой теперь!

Марѳа.

Онъ не мой? Твоя-ли это рука, которая отрываетъ меня отъ сына? Твой-ли это языкъ, которымъ клеветалъ? — Дитя мое ненаглядное! держись за меня крѣпче! держись такъ, какъ тогда, какъ лежалъ у моего сердца. Пусть повлекутъ они насъ вмѣстѣ... На бѣломъ свѣтѣ еще не сгнѣбла правда; есть старшіе и надъ этими злодѣями!... (указывая на стрѣльцевъ) Это собаки, а тамъ можетъ быть, найдутся и люди... они поймутъ стонъ матери!

Проконій (съ бѣшенствомъ).

Да уймешься-ли ты, старая чертовка? Прочь! оставь его! говорю я тебѣ. (старается оттащить ее отъ Антона, но видя бесполезность борьбы, схватываетъ ее

за волосы; Марфа падаетъ; онъ отталкиваетъ ее ногою). Что-жъ вы рты-то разинули? ведите его скорѣе!

Антонъ (въ отчаяннѣ).

Да, ведите, ведите меня! Теперь я вашъ! — Прости, бѣдная мать моя! Прости, и жди меня! (Проконїю) Но и ты жди меня, бездѣльникъ! Къ тебѣ я ворочусь непременно! (уходятъ).

Марфа (поднявшись съ земли, остается на колыняхъ и смотритъ вокругъ).

Какъ здѣсь темно! Какъ страшно здѣсь!... Что здѣсь случилось? (стараясь припомнить) Да! взяли... увели его! Не побѣжать-ли мнѣ? Не отнять-ли мнѣ его? Нельзя! нельзя! Что-жъ? Побѣгу къ старшимъ, закричу имъ: отдайте мнѣ сына! Закричу такъ, чтобы крикъ матери услышалъ Богъ въ раю Своемъ, и смягчилъ-бы сердца ихъ! Нѣтъ! и то напрасно! Они только себѣ добра желаютъ?... Проклятая жизнь! На что ты мнѣ теперь? И я сама предала его!... О, неужели нѣтъ никого, кто раздавилъ-бы, кто задушилъ-бы мать, загубившую сына?... О, сжальтесь ндо мною, убейте меня! (падаетъ).

Пракседа (вбѣгая).

Матушка! матушка! что я слышала! гдѣ они?...

Марфа (поднимая голову),

Теперь только пожаловала? Прежде надобно было придти и защитить его, бѣднаго; подать ему топоръ на разбойниковъ; зубами разорвать его веревки. Теперь поздно! Его взяли въ рекруты! повели! слышишь-ли? въ рекруты!

ПРАКСЕДА (*сплеснувъ руками*).

Ахъ, я несчастная!

МАРФА (*встаетъ*).

Да, теперь такъ и несчастная! А зачѣмъ-же ты около корчмы-то вертѣлась? Плясала, хлопотала изъ за похвалы своей ловкости; плясала тогда, какъ изъ рукъ матери вырвали сына, твоего жениха! Найдешь-ли другаго, ему подобнаго? говори! . . . да, найдешь, хоть не такого, а все таки найдешь . . . Только у матери онъ былъ одинъ, единственный.

ПРАКСЕДА (*рѣшительно*).

Перестаньте, матушка! не плачьте; участь наша одинакова, но силы наши не равны . . . Я пойду искать его, найду, возвращу вамъ. Да накажетъ меня Господь, если вилету хотя одну ленточку въ волосы, если хотя одна бисеринка украсить мою шею, хотя одно зернышко соли будетъ во рту моемъ, пока не найду и не приведу къ вамъ Антона.

МАРФА (*цѣлуя ее*).

Пракседа! голубушка моя! красавица! чернобровая! . . . О, бѣги, бѣги! . . . Огнями у нихъ его, или, знаешь . . . подкрадѣйся къ нему тайкомъ, развяжи только веревки его, и ты увидишь какъ разлѣтятся по скаламъ черепы злодѣевъ его! (*опомнившись*). Охъ, Боже праведный! Какъ здѣсь все кружится! . . . Нѣтъ, Пракседа, нѣтъ! все пропало, все! Теперь одна ты мнѣ осталась; теперь ты мое последнее, мое единственное дитя.

ПРАКСЕДА (*плачетъ*).

Какъ-же случилось это матушка!

Марѳа.

Вотъ какъ, душа моя. Онъ сълъ здѣсь на скамейкѣ, я возлъ него, вотъ здѣсь. Я сама взяла у него пистолеты, отодвинула на сторону топоръ, и уложила голову Антона на своихъ колѣняхъ. Ему хорошо, покойно было на колѣняхъ матери; и, утомленный, онъ заснулъ. Въ тоже время они, какъ дикія кошки, подкрались тихо, нечаянно напали на насъ и схватили моего орла. *(плачетъ)*.

Максимъ *(входя)*.

Эхъ, матушка, тяжело твое горе, но слезами не пособить ему.

Марѳа.

Это вы, кумъ? . . . взяли его! . . .

Максимъ.

Знаю, матушка, знаю. Я видѣлъ, какъ они торопились; наскоро сковали его, и на плоту потащили въ Куты.

Марѳа.

Сковали! моего Антона сковали! . . . Нѣтъ, это неправда! Пустите меня! я сама пойду!

Максимъ.

Куда? зачѣмъ? Богъ съ тобою, кума! Что ты затѣваешь? . . . Теперь они ужъ далеко, и вѣрно, сегодня же будутъ въ городѣ. Черемонъ выступилъ изъ береговъ, шумитъ, волнуется, — онъ быстро помчалъ твоего сына. Старуха! не тебѣ нагнать бурныя волны его. Да, не останавлишь ты рѣки своими мольбами; жалобы твои не заставить людей расковать твоего сына.

ПРАКСЕДА.

Матушка, и ты, дядюшка! Послушайте, что я вам скажу: я молода, неопытна; кромѣ зеленыхъ горъ да голубаго неба ничего еще не видала я на бѣломъ свѣтѣ, — но я такъ горячо люблю Антона, а потому и советъ мой на выручку его пригодится вамъ. Чего не достанетъ головъ, то добавитъ сердце; и сердце это полно: въ немъ любовь, въ немъ отвага, въ немъ необходимость воротить Антона, или умереть. Матушка! Я поклялась тебѣ воротить его, и сдѣлаю это, только пустите меня, и не говорите никому, куда пошла я. Скажите, что я побѣжала въ горы, бросилась со скалы и размозжила себѣ черепъ; люди повѣрятъ всему: они знаютъ, чего стоитъ потерять Антона. Я пойду, куда поведетъ меня сердце. Широка земля Нѣмецкая — знаю; но у меня здоровыя ноги и быстрые глаза — я найду Антона и приведу его къ тебѣ, матушка.

МАРГА.

Бѣги, бѣги, пока они не увели его далеко.

МАКСИМЪ.

Вишь, то-то и оно — молодо — зелено! Послушай-ка, Пракседушка, меня старика. Вѣрю, сердце у тебя прекрасное; да вотъ тутъ плохо; «пойду, сыну его!» да знаешь-ли ты, сколько у нихъ земли; куда пошлютъ Антона на службу, и какимъ языкомъ говорить тамъ, гдѣ будетъ онъ тосковать по матери и по тебѣ? Знаешь-ли ты сколько у нихъ подъ ружьемъ людей? Какъ найдешь одного между сотнями тысячъ? Эхъ, дурочка, дурочка! Пойдешь и стинешь; ноги отходишь, глаза высмотришь, и все по

пусту. А задумала ты дѣло; только пойдемъ вмѣстѣ: я вдоль и поперегъ прошелъ Нѣмецкую землю, и смѣкаю, какъ въ арміи найти солдата.

Марѳа (*садится*).

Да наградить васъ Богъ! . . . Я такъ ослабѣла, что не могу и добрымъ словомъ поблагодарить васъ.

Пракседа.

Ты за правду хочешь идти со мною?

Максимъ.

Развѣ я когда нибудь обманывалъ тебя?

Пракседа (*обнимая его*).

Дядюшка! миленькій! поскорѣй же! пойдемъ поскорѣй!

Максимъ.

Хоть нынче-же, хоть сей-часъ пойдемъ, моя черноглазая! Прощай, кума; положиись на Бога, и жди насъ — воротимся.

Пракседа (*упавъ къ ногамъ Марфы*).

Матушка! благослови меня! (*Марѳа кладетъ руку на голову Пракседы; занавѣсъ опускается*).

ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

=

(Открытое мѣсто въ деревнѣ, между горами, при источникѣ, изъ котораго берутъ воду. Анна съ ведрами въ рукахъ, съ нею маленькая дочка; Марѳа сидитъ на землѣ, закрывъ лице руками).

Анна (дѣвочкѣ).

Чего-же ты хочешь?

Дѣвочка.

Отецъ пріѣдетъ сегодня?

Анна.

Непремѣнно сегодня, душенька.

Дѣвочка.

А привезетъ-ли онъ мнѣ что нибудь?

Анна.

Привезетъ, только дай Богъ, чтобы онъ воротился.

Марѳа (угрюмо)

Да, дай Богъ — кто не говоритъ этого? но не всякъ возвращается, кто покинулъ домъ свой.

Анна.

Зачѣмъ ты пугаешь меня, старушка?

Марѣл.

Ты жена стрѣльца Прокопія, а эта дѣвочка — дочь твоя?

Анна (*ставитъ ведра и прижимаетъ къ себѣ дочь*).

Моя — но зачѣмъ ты спрашиваешь?

Марѣл.

Зачѣмъ? — Послушай, привяжи ей камень на шею, да брось ее въ воду.

Дѣвочка.

Матушка! посмотри, какая она страшная!

Анна.

Злая старушка! что сдѣлало тебѣ это дитя?

Марѣл.

Ничего; отъ того-то я и желаю ему добра.

Анна.

Хорошо твое добро! желаешь, чтобъ я утопила дочь свою.

Марѣл.

А отъ чего-бы и не такъ? Взгляни на меня! всмотрись хорошенько въ изсохшее и блѣдное лице мое, — знаешь-ли отъ чего оно таково? отъ голода. Видишь-ли впалые и опухлые глаза мои? Горькія, ѣдкія слезы погубили ихъ . . . А мое черное оборванное платье — его некому ни вымыть, ни починить . . . Я слаба, дряхла, работницы нанять не на-что, а дѣтей у меня нѣтъ . . . Я одна-одинехонька на бѣломъ свѣтѣ! . . . Я сижу здѣсь, возлѣ дороги, и жду, не подастъ-ли мнѣ добрый челоувѣкъ кусокъ хлѣба, — рабо-

тать не могу, а за меня работать некому... Вот и теперь сижу, поджидаю, авось ктонибудь изъ милосердія напоятъ меня... Принести воды не въ силахъ, а услужить некому — я одна, одна на свѣтъ. Не лучше-ли было-бы, еслибъ мать привязала мнѣ камень на шею и бросила меня въ воду?

Дѣвочка.

Матушка! какая она бѣдная!...

Анна.

Молчи, дитя мое!

Марѳа.

Вотъ такъ будетъ и съ твоею дочерью. Она теперь мала еще; отъ того-то и весела и счастлива, — видишь, она протягиваетъ къ тебѣ свои ручки, смѣется безпечно, радостно. — Если порою и плачетъ она, но сердце не болитъ у ней, — на немъ не лежитъ еще никакое горе. Но придетъ время, она вырастетъ, протянетъ руки, не къ тебѣ, а къ молодцу, котораго полюбитъ она — и вотъ ты благословишь ее, позовешь въ Воскресенье Священника и сватовъ — соберутся дружки, уберутъ невесту, расплетутъ ея волосы, и въ то же время придетъ такой злодѣй, какъ твой мужъ, схватитъ жениха, окуетъ цѣпами, и потащитъ въ рекруты!... Что-жъ? Какъ ты думаешь, не скажетъ-ли тогда дочь твоя: «Матушка! зачѣмъ ты не привязала мнѣ камня на шею, когда я была еще ребенкомъ?»

Анна (плачетъ).

Ахъ, перестань, Марѳа! ради Бога, перестань!

Марѳа.

Пусть даже дочь твоя сдѣлается матерью; статься можетъ, Богъ пошлетъ ей сына; — она выкормитъ его молокомъ своимъ, выкупаетъ въ своихъ слезахъ, согрѣетъ своимъ дыханіемъ, своею душею. Сынъ ея вырастетъ, сдѣлается красою Карпатъ, гордостью деревни, отрадой и подпорой дряхлой матери, — что-жь? придетъ такой злодѣй, какъ твой мужъ, схватитъ молодца; скуетъ его, оторветъ отчаянную мать отъ ея дѣтища; толкнетъ ее, броситъ на землю, и потомъ оставитъ сиротою, безъ помощи, безъ насущнаго хлѣба, безъ капли воды, оставитъ одну, одну въ цѣломъ свѣтѣ, — какъ ты думаешь? Не станетъ-ли дочь твоя проклинать тебя за то, что ты не привязала ей камня на шею и не бросила въ воду?

Дѣвочка.

Матушка! уйдемъ-те отсюда.

Анна.

Марѳа, Марѳа! да простить тебѣ Богъ, что ты такъ страшно раздираешь мою душу!

Марѳа (*поднимаясь*).

Я раздираю твою душу? — А кто же растерзалъ мнѣ мою? Кто кровью залилъ мое сердце? . . . Развѣ вы не стоите моего проклятiя? да падетъ оно на васъ: жена разбойника Прокопія! будь вдовою, а дѣти твои пусть останутся сиротами, безъ рубашки, безъ хлѣба, безъ крова!

Анна (въ ужастъ хватаетъ ве-
дра и дочь).

Страшно! . . . Уйдемъ, дитя мое, уйдемъ! . . .

Марѳа (идетъ за нею).

Бѣги, бѣги домой! найди тамъ пожаръ, найди язву въ
стадѣ своемъ и трупъ на постелѣ своей! (уходитъ).

І. В. Корженёвскій.

Харьковъ.